

The illustration depicts a young man with light brown, wavy hair and blue eyes, wearing a blue and brown hooded cloak. He stands next to a young woman with long, dark hair, wearing a blue dress with a white collar and brown arm warmers. They are in a dark, atmospheric setting with a large, glowing yellow sun or moon in the background, casting rays of light. There are large, intricate spider webs in the air and a large, blue, crystalline structure on the right. The overall mood is mysterious and epic.

**Тата
Алатова**

**С
КУДНЫЕ
БЕРЕГА**

Тата Алатова
Скудные берега

«Автор»

2026

Алатова Т.

Скудные берега / Т. Алатова — «Автор», 2026

Ари был самым паршивым мальчишкой на всем белом свете — это вам всякий бы сказал. Ленивый и никчемный, он не годился ни для какого дела и просто болтался по городу, не зная, чем занять свои дни. Но однажды в их вечные холода прибыла чужестранка, и это все изменило.

© Алатова Т., 2026

© Автор, 2026

Тата Алатова

Скудные берега

*Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.*

*Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.*

*Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.*

*Возьми ж на радость дикий мой подарок,
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.
Осип Мандельштам*

ГЛАВА 01

Ари был самым паршивым мальчишкой на всем белом свете — это вам всякий бы сказал. Ленивый и никчемный, он не годился ни для какого дела: меч выпадал из его хилых рук, рыбачить он тоже не мог, несколько часов в промерзлом северном море — и начинал поганец сразу харкать алой густой кровью. Пытались его пристроить и на кухню, но Ари из чистого упрямства опрокидывал котлы и тушил очаг, считая, что не мужское это дело — бабам помогать. Курицы его терпеть не могли, а тощие, вечно голодные коровы переставали давать и без того жидкое молоко, стоило Ари показаться в коровнике.

Отец, добродушный огромный Бьерн, иногда с сожалением признавался, что лучше бы придушил никчемного сына в колыбели — только еду на такую бестолочь зря тратить. Остальные дети Бьерна удались на славу: были они здоровые и веселые, и всякое дело у них в руках ладилось. Старший, Эймунд, получил в наследство хорошую рыбацкую шхуну, и теперь его семья не знала голода. Средний, Снув, вырос отважным воином, и меч словно бы был продолжением его руки, так ловко и умело он с ним управлялся. Единственная дочь Бьерна, прекрасная Сангрид, вышла замуж за богатого скотовода с равнины и принесла своей семье много денег. Тови, предпоследний сын, остался при отцовском доме на правах самого младшего — на Ари никаких надежд никто не возлагал.

Жена Бьерна умерла от стыда за своего последыша, и море забрало ее, укрыв ледяными ветрами.

Помимо бесполезности и лени, отличался Ари и вредным характером: говорил все, что вздумается, не только мужчинам, но и замужним женщинам, забивал всякими глупостями голову рабам, а однажды испортил целый бочонок редчайшего в этих краях вина, бросив тудадохлую ворону.

Били Ари часто и от души, Бьерн поначалу требовал с обидчиков денег, но потом махнул рукой: сам такое родил, что же теперь ни в чем не повинных людей в виру вгонять. Вот и слонялся Ари целыми днями без дела, и его тощая высокая фигура стала такой же частью прибрежного пейзажа, как камни и птицы. Жители города обходили его стороной, и только иногда сердобольные старухи совали подростку кусок хлеба или сала, как местному дурачку. Хлеб и

сало Ари съедал с удовольствием, а потом припоминал старухам их прегрешения молодости, благо чего-чего, а сплетен в этом городе всегда было с избытком.

В тот день, который безвозвратно изменил его жизнь, Ари болтался по главной площади, раздумывая, чем бы ему заняться. Было по обыкновению скучно и тошно: размеренная жизнь пропахшего рыбой прибрежного городка текла из года в год одинаково. Здесь не случилось ничего интересного. Разве лишь в позапрошлом году кузнец Вальгард с перепоя зарубил топором свою жену, а потом бегал по всему городу, собирая золото для ее родичей: за убийство всегда была высокая плата. Ари тогда ходил смотреть на покойницу, после чего его целую неделю рвало от еды. Смерть оказалась мерзкой и неприятной, с особым, приторным запахом.

Можно было пойти к морю и кидать камни по хищным, низко летающим птицам, но ветер дул уже по-зимнему свирепо, и Ари бесцельно кутался в вытрепавшийся мех телогрейки, разглядывая спешащих по делам редких горожан.

И тут — о, чудо! — случилось самое настоящее происшествие. Звонко грохоча колесами по мерзлой земле, в городок ворвалась невиданная яркая повозка, разрисованная диковинными цветами и запряженная лошадьми. Столь крупных и сильных скакунов Ари прежде видеть не доводилось, у отца они были куда мельче и невзрачнее, и теперь он даже застыл от радостного изумления — какие грациозные и чудесные создания, не то что неповоротливые волы, которые обычно с изматывающей медлительностью тащили тяжелые грузы. Все его замерзшее, измученное постоянной тоской существо напряглось и словно бы расправилось от предчувствия чего-то необыкновенного.

Тем временем крытая повозка остановилась, и из нее вышла женщина.

Она казалась не слишком молодой — около двадцати пяти лет или даже старше, — но держалась с вызовом незамужней девушки, впервые пришедшей на городские гуляния.

На ее голове красовалась огромная шляпа с пушистыми перьями, на плечи был наброшен роскошного изумрудного цвета плащ, отороченный редким серебристым мехом.

— Да, — с сильным, резким выговором сказала незнакомка, — паршивое местечко. Но севернее уже некуда.

Она сделала несколько шагов вперед, и из-под плаща выглянули алые подошвы ее сапожек.

— Ведьма... — выдохнул кто-то за спиной Ари.

Черные густые брови женщины озабоченно нахмурились, полные губы скривились.

— Дура! — крикнул Ари и замахнулся на глупую Ильву, обозвавшую чужестранку ведьмой. Ведьмы, это всякий знает, бывают только старыми и сморщенными, согнутыми под тяжестью лет и обязательно с клюкой.

Юная, глубоко беременная Ильва взвизгнула и попятилась.

Женщина быстро пробормотала что-то на незнакомом языке, потом глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, и сделала еще один шаг по направлению к Ари.

— Здравствуй, мальчик, — сказала она. Ее голос звучал странно, словно мелкие камешки перекатывались. У нее оказались черными не только брови и волосы, но и глаза, и это было пугающе непривычным. — Скажи мне, есть ли тут какой-нибудь дом на продажу?

— Есть! — радостно выдохнул Ари, обрадованный сразу несколькими вещами: во-первых, дама заговорила именно с ним; а во-вторых, она спросила про дом — значит, собиралась остаться.

Ари попытался было сосчитать, сколько же надо иметь денег, чтобы купить целый дом, но у него ничего не получилось.

Прежние приезжие — а на памяти Ари их было всего двое — обычно снимали какой-нибудь угол.

— Есть дом старой девы Оддни, — ответил он торопливо. — Она померла два года назад. Оддни была такой кривой и косою, что ни один мужчина не осмелился лечь с ней на ложе. А ведь ее отец предлагал за нее много денег. Дом еще очень крепкий, но жить теперь там никто не хочет.

— Чудесная история, — в голосе женщины послышалась едва уловимая насмешка.

— Хотите, я провожу вас к городскому главе? С ним и сторгуется о цене.

— Пожалуй, это было бы кстати.

Она сказала несколько слов застывшему с поводьями в руках вознице — стремительный стрекот на неведомом птичьем языке.

Ари пошел вперед, то и дело оглядываясь, чтобы проверить, не отстала ли от него приезжая дама. Он думал о том, что, наверное, с нее надо взять денег за свои хлопоты, но язык словно прирос к гортани.

Идти было недалеко, и вскоре чужестранка уже скрылась в доме главы, а Ари остался на улице.

Его сердце билось так быстро, как никогда в жизни. Он точно знал: все теперь изменится, станет по-другому, а коль уж хуже, чем было, и вообразить невозможно, то впереди его ждет что-то хорошее.

Дом старой девы Оддни был по меркам Ари просто огромным: просторная отдельная кухня и целых три комнаты. Зачем людям столько комнат, Ари придумать не мог. Его семья жила в одном большом помещении, в котором кровати отделялись друг от друга пологам из шкур. Так было проще сохранить благословенное тепло.

Дом стоял чуть в отдалении от города, на огромной скалистой площадке, и внизу билось живое ледяное море, от которого вечно веяло холодом.

Молчаливый возница распрягал лошадей. Ари было жалко этих тонконогих и тонкошкурных скакунов: наступала зима, и наверное, им будет очень непросто ее пережить.

— Возьми мой сундук, — приказала женщина, и Ари снова ее послушался. Если бы кто-то из горожан увидел, как он носится у нее на побегушках, то сразу бы заподозрил неладное. Больно уж памятной вышла та история на свадьбе прекрасной Сангррид, когда он вызвался разносить пиво по гостям да и вылил целое ведро свиньям. А они, не будь дурами, налакались от пуза и подняли такой визг, что никакие песнопения его не могли заглушить. Ох и болела потом у Ари задница — всю неделю ему приходилось или стоять, или лежать, или быстро бегать, едва завидев могучую фигуру Бьерна.

— Как твое имя? — пыхтя из-за тяжести сундука, спросил он.

— Имя? Изабелла. Но все зовут меня Бель.

«Бель», — проговорил про себя Ари, это было похоже на каплю, звонко упавшую на лед, обжигало и холодило изнутри, рождало непонятное волнение.

Чужестранка прошла по комнатам, с легкой брезгливостью оглядываясь по сторонам.

— Джо, — сказала она вознице, — нужно раздобыть дров, или угля, или я не знаю... сушеной рыбы! Иначе мы не переживем здесь даже одной ночи.

Возница появился на пороге, и Ари смог его разглядеть. Он тоже был черноволос, как и Бель, со смуглым, покрытым шрамами и морщинами лицом и угрюмым видом человека, не привыкшего радоваться жизни. Джо молча кивнул и ушел.

— Думаешь, кто-нибудь купит лошадей? — озабоченно спросила Бель. — Или проще их съесть?

У Ари оборвалось сердце.

— Съесть? — переспросил он горестно.

Бель подняла крышку одного из ларей на кухне и чихнула от пыли.

— Нужно нанять кого-то, чтобы прибраться здесь, — сказала она с отвращением. — А пока скажи-ка вот что: как мне найти в этом городе одного нужного человека?

— Опиши его, — предложил Ари, — я тут всех знаю.

— Я мало что могу сказать. Не знаю, молод он или стар, красив или уродлив. Знаю только, что это мужчина, почему-то это всегда мужчины, боги смеются над нами... И он, — Бель помолчала, будто мысленно переводила слова с одного языка на другой, — он... словно бы чужой здесь всем, понимаешь? Неурочный, что ли. Рожденный не там, где нужно. Скорее всего, его никто не любит здесь, считают дурачком... Ох, я не знаю! — в отчаянии от нехватки слов она потерла виски.

Ари сглотнул, переступил с ноги на ногу.

— Это я, госпожа, — признался он и испугался, что Бель поднимет его на смех и прогонит. Но она не удивилась.

— Ты, — кивнула Бель головой, отчего перья на ее шляпе заколыхались. — Джо говорит, что люди, способные на всякие чудеса, рождаются только там, где земля бесплодна, а люди потеряли всякую надежду на благополучие. Мы ехали так долго и нашли этот клочок суши, до того безрадостный, что сразу хочется удавиться... Но боги, как же ты молод! Сколько тебе зим, мальчик?

— Эта восемнадцатая, — ответил Ари.

Бель пошевелила губами, что-то мысленно подсчитывая.

— Что же, — сказала она, — будем надеяться, что ты успеешь чуток подрасти... Как тебя зовут?

— Ари.

— Ари... — Бель, как прежде это сделал Ари, попробовала его имя на вкус, только вслух. — У тебя есть родичи?

— Полно, — ответил Ари. — Но главный — это отец. Его зовут Бьерн, у него есть коровы.

— Вот как? — и снова Ари почудилась в ее голосе какая-то усмешка. — Это многое объясняет про твоего отца... Как по-твоему, большой он за тебя потребует выкуп?

— Выкуп? — переспросил Ари глупо. — Кому понадобится меня выкупать?

— Скажем... — Бель снова задумалась, — мне.

Днем Бьерна редко можно было застать дома: как правило, в это время он или бывал в коровнике, или уходил на охоту. Зверья в этих местах было меньше, чем рыбы, но на хорошие капканы можно было кое-кого и поймать. Бьерн был лучшим охотником в округе, знал все звериные тропы и повадки и несколько раз даже приносил домой огромные туши медведей.

Но сегодня был день, полный сюрпризов: когда Ари вместе с Джо и Бель подошел к дому, то сразу увидел отца во дворе.

Он разговаривал с идиоткой Ильвой, которая обеими руками прикрывала свой огромный живот.

— Говорю тебе, — сердилась Ильва, — ведьма и есть. А твой Ари как увидел ее, так рот и распахнул, а потом вслед за ней к главе увязался! Смотри, околдует она дурачка этого, ведьмы таких любят...

— Не мели ерунды, трещотка, — ответил Бьерн и замолчал, увидев незваных гостей. Ари было шагнул вперед, пытаясь загородить собой Бель, но тяжелая рука Джо легла ему на плечо.

Джо поздоровался первым, у него оказался густой, как у городского главы, голос.

Ильва ойкнула и как будто уменьшилась. Глаза ее округлились и стали похожи на плоски.

Бьерн изумленно разглядывал Бель: ее шляпку, и ее плащ, и ее черные, невозможного цвета глаза — все знают, что они бывают только серыми и голубыми! Что-то грозное наливалось в его взгляде, напомнившее Ари тяжесть отцовских кулаков.

— Меня зовут Джо, — представился возница, — я лекарь.

— Лекарь? — переспросил Бьерн с недоверием. — Да разве это мужское занятие?

— В тех местах, откуда я родом, — ответил Джо спокойно, — мужчины охотно учатся на лекарей, у нас считается, что женщины слишком слабонервны для этого дела.

— Вот как, — проговорил Бьерн и снова посмотрел на Бель. — Это твоя жена?

Эти слова неприятно кольнули Ари. Он сразу понял, что Бель не принадлежит морщинистому человеку со шрамами, и его возмутило, что такая глупая мысль пришла отцу в голову.

— Я свободная женщина, — сказала Бель со спокойным достоинством.

Бьерн недоуменно сдвинул брови, ожидая дальнейших пояснений: так не принято было, чтобы мужчина и женщина жили вдвоем, но не считались мужем и женой. Зачем же еще им спать под одной крышей, как не для того, чтобы рожать детей и укреплять свой род?

Но других объяснений ни Бель, ни Джо не дали.

— Пройдите в дом, — напрасно выждав некоторое время, пригласил Бьерн. — А ты иди, — остановил он Ари, — проводи Ильву до дома.

В другое время он бы сказал «кыш с моих глаз, недоумок», но при посторонних сдержался. Ари упрямо выдвинул подбородок.

— Ильва сама пришла, сама и уйдет, а меня ваш разговор тоже касается.

Бьерн, уже без оглядки на гостей, привычно замахнулся, но Ари был начеку и, проворно проскользнув под рукой отца, шмыгнул в дом.

Бергторра, главная служанка, а в последние годы и жена Бьерна, с ужасом смотрела на вошедших. Пуще всего ее выводили из душевного равновесия наглые перья на шляпке Бель. Хорошенькое дельце, так бесстыдно украшать себя всем на потеху!

— Принеси нам пива, — велел ей Бьерн.

Он и Джо сели напротив друг друга за длинный стол, за которым по вечерам собиралась вся семья вместе с домашней прислугой. Бель без колебаний села тут же, а Ари переминался в углу, умирая от волнения. Ему казалось, что все слышат, как стучат друг о друга его зубы. Так юная Иске, дочь Бергторры от первого, уже мертвого, мужа, прядшая рядом шерсть, посмотрела на Ари внимательнее, чем обычно.

— Что привело вас в наши края? — спросил Бьерн, когда Джо сделал большой глоток пива из огромной кожаной кружки.

— Мне было видение, — уклончиво ответил Джо.

Бьерн понимающе кивнул: к видениям, снам и всевозможным предчувствиям здесь относились очень серьезно.

— Что тебе нужно от меня?

— Мальчишку, — ответил Джо.

Глаза Бьерна расширились от удивления:

— Вот этого? Ари?

— Я возьму его в свои ученики и буду заботиться о нем до тех пор, пока он не встанет на ноги, — пообещал Джо. — Сколько ты хочешь за него?

Иске выронила веретено. Ее круглая мордашка осветилась веселым изумлением. Бьерн долго пил пиво, пряча выражение лица за кружкой.

— Ты предлагаешь мне денег, чтобы забрать мальчишку? — уточнил он наконец.

Ари знал, что на его женитьбу отец откладывает монеты. Бьерн понимал, что если когда-нибудь найдется женщина, которая согласится взять никчемного Ари в мужа, то семье это очень дорого встанет. И вдруг — странный незнакомец предлагает заплатить за то, чтобы обучить Ари делу и забрать его из дома. Может, он спит и видит сон?

— Я должен предупредить тебя, лекарь, — медленно начал честный Бьерн, но вмешалась Бергторра: она с такой свирепой яростью поставила на стол блюдо с сыром, что Бель, задремавшая в тепле, чуть вздрогнула.

— Эм... — смешался Бьерн.

— Мы дадим за него двух лошадей и двадцать золотых монет, — сказала Бель.

Бергторра покачнулась, Иске ойкнула и зажала себе рот ладонями.

— Мы согласны! — выпалила Бергторра и тут же, испугавшись своей смелости, спряталась за ширмой. Бьерн, похоже, не заметил ее самоуправства.

— Двух лошадей, — проговорил он голосом человека, на которого свалилось несметное богатство. — Иске! Собери мальчишке вещи. Да возьми из сундука новые. И сапоги, которые я в прошлом году привез, положи... Хотите бочонок вина? Мне зять прислал, с равнины.

— Хотим, — согласилась Бель, кажется, ошарашенная таким скорым согласием Бьерна.

Джо тяжело поднялся, протянул ладонь.

— Тогда по рукам, — сказал он.

— По рукам, лекарь, — решительно ответил Бьерн.

ГЛАВА 02

Возвращались в дом старой девы Одни уже в сумерках: Бьерн никак не хотел отпускать дорогих гостей, выставляя на стол все новые и новые угощения.

К тому же он так щедро одарил их на прощание, что Ари сгибался под тяжестью двух мешков. Из одного выглядывали голенища новых сапог, из другого — округлые бока колбасы из оленины. Джо легко нес на плече бочонок вина.

Бель шла первой и становилась все более нерешительной по мере того, как на улицы высыпал весь город — поглядеть на заезжую ведьму. Ильва, чей болтливый язык был длиннее ума, успела, кажется, обежать уже каждый дом.

Ари старался не глядеть по сторонам, чтобы не побросать мешки и не схватиться за камни: эти люди его раздражали и раньше, а сейчас просто выводили из себя. Еще утром весь окружающий мир в целом делился для него на две части: Иске с Торве и все остальные люди.

Иске была наименее неприятной из всех его знакомых, а слепая Торве рассказывала сказки.

Вообще, Торве рассказывала сказки своим многочисленным внукам, которых ей оставляли для присмотра. Одни внуки вырастали, другие рождались, и у очага Торве всегда возились разные дети. Ари начал приходить к этому очагу, когда ему было еще семь или восемь лет, и долгие годы он думал, что Торве знать не знает о его присутствии.

Но в прошлом году, когда один из малышей слишком близко подобрался к огню, она сказала: «Ари, мальчик, убери этого дрянного мальчика подальше».

Истории, которые рассказывала Торве, всегда пахли морем. Она рано овдовела и была единственной женщиной, о которой слышал Ари, выходявшей в море на рыбалку вместо мужа. Наравне с мужчинами Торве носила штаны и заплетала косы, владела гарпуном и даже присоединялась к охоте на китов, чтобы прокормить своих семерых детей. Нового мужа Торве так и не взяла, и злые языки говорили, что Торве и сама стала мужчиной, и ей впору было не мужей выбирать, а наложниц.

В последние годы Торве редко выходила из дома, ее тело неумолимо дряхлело, но сегодня даже она приковыляла из своего домика на берегу, чтобы если не поглазеть, то хоть послушать о том, что происходит в городе.

Вперед выступила городская знахарка Стирбьерн:

— Значит, ты лекарь? — спросила она у Джо.

Джо остановился, не опуская бочонка с вином. Ему хватило одного взгляда на эту женщину, чтобы безошибочно определить ее ремесло.

— Наши дороги с тобой не пересекутся, знахарка, — сказал он твердо.

Глаза Стирбьерн недоверчиво сузились.

— Люди не пойдут к пришлому мужчине, назвавшему себя лекарем, — пообещала она.

Джо ничего не ответил, просто кивнул и пошел себе дальше. Но тут им путь преградила слепая Торве. Она шла, вытянув вперед руки, и остановилась, коснувшись Бель. Ари уже было скинул с плеча мешки, но Джо успокаивающе покачал головой.

— Сейчас не время дразнить гусей, — сказал он.

Гуси — это такие птицы с длинными шеями, сестра Ари, Сангррид, рассказывала, что они водятся на равнине. Ари сообразил, что Джо сравнивает горожан с этими птицами, и фыркнул.

Торве провела ладонью по застывшему лицу Бель.

— За тобой идет смерть, — сказала она.

— Я полна жизни, глупая старуха, — резко отозвалась Бель, отшатываясь.

Торве задумчиво пожевала губами.

— Смерть стоит за твоей спиной. Ее костлявые руки лежат на твоих плечах.

— Это потому, что ты уже двумя ногами в погребальной лодке, — не выдержав, крикнул Ари. Среди толпы послышались смешки, да и сама Торве улыбнулась.

— Я рада, что ты теперь при деле, юный Ари. Из тебя получится хороший лекарь, мои внуки всегда становились спокойнее, когда ты подкрадывался к моему очагу.

Бель сердито оттолкнула старуху и чуть ли не бегом направилась к дому Оддни. Ари поспешил за ней, но краем глаза успел увидеть, как Джо на ходу подставил локоть для того, чтобы слепая Торве не упала от ее толчка.

Во дворе с силой выбивала пыль из шкур одна из дочерей пивовара Атли.

Атли был очень неудачлив при жизни: его жена принесла ему трех дочерей и ни одного сына, а после его смерти эти неудачи перешли по наследству к девицам. Атли так и не успел выдать замуж ни одну из них, и они остались без мужчины в доме. Пивоварня требовала сильных рук и крепкого здоровья, куда с ней справиться трем худосочным сестрам. И теперь дочери Атли работали на чужих людей. Шкуры вытрясала младшая, Алва, подметала пол средняя, Аста, пекла хлеб самая старшая — Ауд.

Ари помнил, что его среднему брату, мечнику Снуву, нравилась Ауд, и одно время в доме говорили о скорой свадьбе. Но Снув, по обыкновению, ушел в море, и от него уже почти год ничего не было слышно. Это приводило Тови и Бьерна в ярость: всем известно, что в морские набеги нужно уходить ранней весной, летом и осенью слишком много дел по хозяйству, и каждые руки всегда на счету. Но Снув терпеть не мог коровник, ненавидел заготовку сена и с каждым годом навещался домой все реже и реже, а Ауд старела на берегу от многих хлопот и одиночества. Без мужчины женщина стареет в два раза быстрее, понятное дело.

Бель прошла в дом и протянула руки к каменной плите, которой заканчивался длинный открытый очаг на кухне.

— Тепло, — сказала она, прикрывая глаза. — Я начинаю превращаться в камень от здешнего холода.

Ауд пожалла плечами — холод и холод, всегда так в это время года, что толку роптать.

— Я напеку ячменных лепешек, — решила она. — В кладовке старой Оддни еще осталась мука.

— Отец собрал нам кое-какой еды, — сказал Ари, стгужая свой мешок на пол.

Ауд с любопытством посмотрела на него.

— Как вы собираетесь зимовать, если у вас нет никаких запасов? — спросила она. — Слепая Торве обещала очень холодную зиму.

— А разве нельзя купить у кого-нибудь еды? — отозвалась Бель, все еще стоявшая с закрытыми глазами у очага.

— Купить еды? — удивилась Ауд. — Разве едой торгуют? Это же не украшения и не посуда.

— О боги, — пробормотала Бель, после чего разразилась длинной яростной речью на своем тарабарском языке.

Алва начала заносить в дом шкуры, а Аста выстилала ими каменный пол. В доме Ари пол был обычный, земляной, а для тепла на него клали солому. Он никогда раньше даже не думал, что под ноги можно бросать меха. Да Бьерн, который при всей своей зажиточности обладал весьма скардным характером, удавился бы, а не позволил такого расточительства.

— Мы с Ари будем спать на кухне, — сказал Джо, — ты займешь любую свободную комнату. Остальные закроем.

Бель сморщилась, но кивнула.

Ауд посмотрела на Ари.

— Есть новости о твоём брате? — спросила она.

— Все мои братья полные олухи, — ответил Ари, — но это не новость.

— Я выхожу замуж, — сообщила Ауд, — за кузнеца Вальгарда.

— Он убил первую жену и тебя убьёт! — закричала из комнаты Аста. — Ари, скажи ей!

Ари пожал плечами, его мало волновали подобные вещи.

— Все равно Ауд не будет жить вечно, — заявил он, — так какая разница, от чего она умрет? Без старости даже лучше.

Бель и Джо странно переглянулись, услышав его слова. На лбу Бель появилась озабоченная складка.

Ауд, которой уже исполнилось двадцать два, одобрительно подмигнула Ари.

— Моя молодость увядает, — ответила она сестре, — я только и делаю, что целыми днями думаю о пропитании для вас! А Вальгард щедр.

— Щедр и свиреп, — не унималась Аста. — Вот погоди, начнет он тебя бить, не так заговоришь!

Восемнадцатилетняя Алва принесла в дом последние выбитые шкуры и смахнула пот со лба.

— Ауд уже приняла решение, — сказала она с досадой. — Теперь только Снуву по силам остановить ее.

— Снув в море, и боги знают, когда он вернется, — заметил Ари. — Если, конечно, его уже не съели рыбы.

Из всех своих братьев больше всего он не любил именно среднего.

Джо смотрел на сестер, и его морщинистое лицо ничего не выражало.

Вечером, когда дочери Атли ушли, воцарилась удивительная тишина. Ари не привык к такой тишине: в доме Бьерна всегда было много работников и разговоров, а сейчас ему было слышно, как шепчет свои секреты море.

Кто-то тихо постучал в окно, и Ари вышел на улицу. Это была Иске. Под телогрейкой она прятала кожаную флягу.

— Это молоко с вечерней дойки, — сказала она быстро, — еще теплое, — сунула гостинец в руки Ари и побежала обратно, не оглядываясь. А он немного посмотрел ей вслед и поспешил вернуться, пока молоко окончательно не остыло.

Джо стоял на коленях у очага и толоч в ступке какую-то траву. Бель сидела за столом и задумчиво водила указательным пальцем по рассыпанному зерну, словно рисовала какие-то картины.

— Иске принесла теплое молоко, — сказал Ари, испытывая мучительную неловкость от этой заботы, как будто он был маленьким ребенком, а не взрослым мужчиной! Джо вскинул

на него свои черные глаза, и Ари торопливо пояснил: — У меня плохое здоровье, в детстве я много болел, и знахарка Стирбьерн сказала, что только теплое молоко, которое надо пить каждый вечер, поможет мне поправиться. Поэтому Бьерн и завел коров, хотя только сумасшедший держит скот в наших краях.

Бель сняла свою чудную шляпку, и теперь ее черные волосы были распущены. Под плащом на ней оказалось надето простое серое шерстяное платье, очень теплое и крепкое.

Джо кашлянул, и Ари сообразил, что уже давно таращится на Бель, как полный недоумок.

— Пей свое молоко, малыш, — сказал Джо без всякой насмешки. — Похоже, у тебя малокровие. Знахарка была права, тебе нужно особенно хорошо питаться. Последний ребенок, не так ли? Сил у бедной женщины на тебя почти не осталось.

Обычно Ари любил прикидываться еще более слабым, чем был на самом деле, это позволяло ему избежать множества нежеланных дел. Но сейчас ему снова стало неловко. Почему-то сегодня хотелось быть сильным.

Но он только молча открыл фляжку и приложил ее к губам.

— Эта слепая женщина... Она видит будущее? — спросила Бель наутро.

— Торве даже стены не видит, пока в нее носом не тукнется, — отозвался Ари довольно раздраженно.

На новом месте он плохо спал, все время прислушивался, пытаясь уловить дыхание Бель в соседней комнате, но до него доносились только потрескивание очага и тихий храп Джо. И теперь Ари ощущал себя больным. Как всегда в это время года, запершило в горле, нос был заложен, а вчерашние радужные мечты о новой жизни казались пустыми.

Идиот он, как есть идиот — с чего это ему показалось, что с переездом из одного дома в другой что-то изменится к лучшему? За окном было все то же мрачное море, все тот же надоевший город, слабое тело опять подводило, и он зябко жался к очагу, который старшая дочь Атли заново растопила еще затемно. Бель наняла Ауд в постоянные служанки, что казалось очень странным. Зачем нужна помощь по хозяйству женщине, в чьем доме, помимо нее, живут всего двое мужчин?

— Боги, боги, — протянула Бель тоскливо, — полжизни за яркое солнце.

Джо поднял голову от еды и мягко сказал:

— Не нужно таких обещаний.

Бель резко встала, не окончив завтрак, и стала натягивать на себя плащ.

— Ари, проводи меня к этой слепой женщине, пожалуйста, — не попросила, но велела она.

Ари не хотелось выходить на улицу, он чувствовал слабость и сухость во рту и ждал, когда же закипит вода в котелке Ауд, чтобы можно было выпить травяного отвара.

— Меня не ты купила, а он, — заявил Ари, кивая на Джо.

Бель не рассердилась. Она смотрела на Ари с тем выражением озабоченности, которое появлялось всякий раз, когда он говорил что-то гадкое.

— Предполагается, что он должен любить людей? — спросила она у Джо негромко.

Тот произнес несколько слов на незнакомом языке в ответ, а потом посмотрел на Ари чистыми ясными глазами.

— Проводи Бель, куда она просит, мальчик, — мягко сказал он.

С Ари редко разговаривали так вежливо, поэтому он растерялся, молча поднялся и стал натягивать свою облезшую телогрейку. Все те грубые слова, которыми был битком набит его рот, так и рвались на волю, но почему-то он не осмелился их произнести.

ГЛАВА 03

Старая Торве стояла на берегу и жадно вдыхала морской воздух. Ее ноздри раздувались, грудь тяжело поднималась и опускалась.

— Скоро я буду возле мужа, — сказала она, хоть ни Ари, ни Бель не успели еще сказать ни слова. — Сорок лет назад море унесло его.

— Ты видишь будущее? — спросила Бель.

Торве слепо пошарила в воздухе руками, и Бель сжала ее ладонь.

— Будущего не существует, — сказала Торве. — Если тебе нужна ведунья, то в наших местах ее нет. Но в деревне на востоке есть одна женщина по имени Рута. Найди ее и задай свой вопрос. Ари проводит тебя по весне, Ари хороший мальчик.

— Ты сказала, что видишь смерть, — настаивала Бель.

— Я везде вижу смерть. Смерть ласкает меня по ночам и целует мои волосы. Они, наверное, уже совсем белые.

— Есть ли земли еще севернее? — спросила Бель. — Что там дальше?

— Мир мертвых, наверное, — качнула головой Торве, не удивившись. — Мы живем прямо у его порога. Холод струится по нашим венам вместо крови.

Бель что-то ей ответила, но Ари не услышал. Должно быть, у него снова началась лихорадка, потому что все вокруг покачнулось и каменистый берег стремительно полетел ему навстречу.

Он очнулся от того, что было слишком тепло. Совсем близко горел огонь, от которого несло жизнью и жаром. Ари не сразу понял, что лежит на соломенном тюфяке возле очага в комнате Бель.

Прошуршали рядом юбки, успокаивающе, утешающе. Бель присела рядом, в ее руках дымилась кружка. Пахло травами и теплым хлебом.

— Надо было сказать еще утром, что ты болен, — укорила она его. — Я бы не потащила тебя в такой холод, если бы знала об этом.

— Как ты донесла меня сюда?

— Мне помогли внуки Торве, — Бель положила прохладную руку ему на лоб. — У тебя все еще жар, — проговорила она. — Почему ты такой злой, Ари? Разве родители не любили тебя? Отец даже коров завел, лишь бы ты поменьше болел.

Ари отвернулся. От близости огня в глазах тут же защипало.

— Отец ненавидит меня за то, что я убил маму.

— Или он убил жену, запихав в ее утробу столько детей? Джо велел тебе выпить этот отвар.

Она поставила кружку на низенькую скамеечку рядом с тюфяком и отошла чуть в сторону, прислонилась спиной к стене.

— Мир мертвых, — припомнил Ари. — Вы говорили со слепой Торве про это. Он действительно совсем рядом?

Лицо Бель не дрогнуло.

— У тебя жар, — сказала она ровно, — тебе все пригрезилось. Разве в этих богатых и счастливых землях есть место для несчастий?

В этот раз она даже не скрывала насмешки.

Ари принялся пить отвар мелкими глотками. Боль в груди становилась чуть слабее.

— Это травы с моей родины, — сообщила Бель. — Я расскажу тебе об этих местах. Там очень много солнца, и всегда тепло, и даже зимой люди запросто могут ходить босиком, потому что на моей родине никогда не бывает снега, а трава вечно зеленая.

Снув как-то рассказывал, что однажды они заплыли так далеко, что очутились в странном месте, где солнце буквально сжигало кожу, но ему никто не поверил.

— В лесах моей родины очень много всяких зверей, — продолжала Бель.

— Что такое лес? — прервал ее Ари, жадно впитывая каждое слово.

Бель повернула к нему свое лицо, и оно было мечтательным и нежным.

— Лес — это когда очень много деревьев в одном месте, Ари. Так много, что среди них можно заблудиться и годами искать дорогу домой.

— Так не бывает, — прошептал Ари.

— В этих лесах живут очень яркие крикливые птицы, их зовут попугаями. И нахальные мартышки, звери, похожие на людей. Там очень много цветов и разных фруктов, и люди никогда не знают голода и холода.

— Если бы такое место на самом деле существовало, — заявил Ари, — то вы с Джо никогда не покинули бы его ради нашего городишки. Или же вы просто дураки.

— Это место существует, но оно очень далеко, — сказала Бель. — Мы выехали в дорогу в начале зимы, а скоро уже новая зима — вот как долго мы сюда добирались. Через море, через степи и горы.

— Зачем?

Бель опустила голову, разглядывая носки сапожек, снова обрела неподвижность, только едва шевелились крупные губы.

— В поисках чуда, мой милый Ари. Мы отправились в путь, чтобы ухватить за хвост надежду.

— Надежду на что? — задал новый вопрос Ари. Рассказ Бель звучал для него странно и невероятно, она словно пыталась убедить его в том, что человек с небесных чертогов решил добровольно спуститься в темное и мрачное подземное царство.

— На жизнь, — ответила Бель.

Ари каркаяще рассмеялся, хоть горло у него и растрескалось, как глиняная посуда.

— Здесь ты не найдешь ничего, кроме голода и холода.

— Я нашла тебя, — ответила Бель и улыбнулась ему.

Ари стало так горячо в животе, что он залпом выпил травяной отвар и, конечно же, обжегся, закашлялся, слезы брызнули из глаз.

От унижения он так разозлился, что отшвырнул от себя кружку и отвернулся, скрывая от Бель пылающее лицо.

— Джо было видение, — задумчиво проговорила она, не обратив никакого внимания на произошедшее, — что на самом северном севере мы найдем того, кто нам нужен.

Она явно была безумна — эта женщина с черными глазами и черными волосами, с гортанным говором, со смертью за спиной и нелепой верой в то, что надежда еще жива в этом мире.

Ари не стал отвечать, притворяясь спящим.

В этот раз Ари заболел особенно тяжело, его без конца лихорадило, и сил хватало лишь на то, чтобы сходить до нужника. Иске каждый вечер прибегала со спрятанной за пазухой фляжкой, но ни теплое молоко с медом, ни травяные отвары не помогали. Иногда Ари казалось, что он, как старуха Торве, просто ждет своего часа, но наступила зима, и Ари пошел на поправку.

В день, когда выпал первый снег, Ауд не пришла топить очаг и печь хлеб: она вышла замуж за кузнеца Вальгарда. Теперь вместо нее стала приходиться средняя дочь Атли, Аста.

Ауд же забегала просто так, в гости, потому что как-то умудрилась за месяц работы в доме привязаться ко всем, включая Ари. Она учила Бель штопать белье и ткать, рассказывала, как печь хлеб. Женщины часто обсуждали мужчин, и Ари узнал, что у Бель был муж, и она с ним разошлась. Такое случалось и здесь: мужчина и женщина, соединив свои судьбы, вовсе не обязаны были жить вместе до глубокой старости. Иногда мужчины прогоняли своих жен за дело: например, за неспособность родить сына или плохое ведение хозяйства. В таком случае семья жены обязана была вернуть мужу часть свадебного выкупа за невесту. Иногда жена

выставляла мужа вон за пьянство или за то, что он бил ее или детей. Как правило, к таким житейским ситуациям родичи и соседи относились спокойно.

Всякое случалось.

Так, в северной части города жила одна женщина, чья мать ее прокляла сгоряча еще в детстве: уж очень много ребенок плакал. Так вот, эта женщина была несчастной настолько, что становилась вдовой пять раз. Среди мужчин города ходила шутка: хочешь побыстрее умереть, женись на Уне. Но, несмотря на серьезную угрозу скорой кончины, к ней то и дело кто-то да сватался. Сама Уна носила пять черных платков и почти не выходила из дома. Поговаривали, что она совсем спятила и теперь боялась даже просто посмотреть на мужчину, чтобы не накликать на него беды.

Ауд ужасно заинтересовалась бывшим мужем Бель, и она то и дело заводила о нем разговор.

В одно утро Ари дремал на своем тюфяке и лениво подслушивал женские разговоры сквозь приоткрытую дверь на кухню.

— Он, наверное, тебя обижал?

— Обижал? — равнодушно переспросила Бель. — Просто я его разлюбила, вот с чего все началось. Зачем жить с человеком без любви?.. — и тут же спохватилась: — Ох, Ауд!

Ауд, кажется, заплакала. Аста сердито кинула на каменную плиту сковороду с лепешками.

— А мы тебе говорили: не ходи за Вальгарда, — в сердцах сказала она. В ответ Ауд зарыдала еще громче.

— Ари! Ари! — звонкий голос Иске летел с улицы. — Ари! Корабль пришел! Корабль! Твой брат Снув вернулся домой!

В доме Бьерна готовились к пиру. Снув и его дружина прибыли с богатыми дарами: они привезли вино и глиняную посуду, красивые ткани и звонкое оружие. А главное, «Свирепый вепрь» был под завязку набит древесиной.

— Ари, поганец, — с несвойственным ему добродушием приветствовал брата Снув и кинул какой-то мешочек. Снув стал, кажется, еще выше, его борода стала еще гуще, да шрамов на обнаженных мощных руках изрядно прибавилось.

Ари открыл мешочек и едва не вскрикнул от ужаса: там было что-то темное и сморщенное.

— Изюм, — обрадовалась Бель и бесстрашно закинула себе в рот целую горсть.

Во дворе громко квохтали потревоженные куры: их товарок резали десятками, чтобы подать к праздничному столу. Под хохот своих дружинников Снув швырнул отцу особый подарок — пышногрудую наложницу, отчего зубы Бергторры отчетливо клацнули. Бьерн и сам растерялся от такого дара и попытался передарить дрожащую от страха красавицу Ари.

— Малец, возьми себе девку!

— Отдай ее Тови, — огрызнулся Ари, отпрыгивая в сторону, — он краше коров ничего в жизни не видел.

Тови, обладавший в этой семье самым спокойным характером, со смехом взвалил наложницу на плечо и, помахав рукой собравшимся, потащил ее в сторону амбаров.

— Зря, — заметила Бель, жуя изюм. — Рабыня бы нам не помешала.

Джо посмотрел на нее тем своим самым противным взглядом, от которого непроизвольно просыпалась совесть.

— А что? — защищаясь, пробормотала Бель. — Дочерям Атли нужно платить деньги!

Они были здесь все три: Алва, Аста и Ауд, помогали Бергторре с приготовлениями. Ари видел, что Снув и Ауд то и дело кидают друг на друга пылкие взгляды, и ему вспоминалась мертвая жена кузнеца Вальгарда с черепом, раскроенным топором.

К вечеру приехал старший из сыновей Бьерна, Эймунд, чья жена снова была на сносях. Ари уже и считать перестал, сколько племянников подарил ему неутомимый брат. Он рассказал, что ездил навещать их сестру Сангррид, вышедшую замуж за скотовода с равнины, она все так же прекрасна, но очень похудела и осунулась. Близнецы Сангррид родились слишком слабыми и умерли вскоре после рождения, и теперь Сангррид снова ждала ребенка. Она опасалась того, что беременность наступила слишком рано после предыдущих родов, но ее муж требовал сыновей. Услышав эту новость, Бьерн потемнел лицом, и Ари мог бы поклясться, что в очень скором времени он лично отправится навестить дочь. Сангррид всегда была любимицей отца, и, если понадобится, он силой заберет ее у мужа и вернет домой.

Ари все еще плохо себя чувствовал, он не любил подобной многолюдной сутолоки, да и родственников не сильно жаловал. Ему хотелось поскорее уйти, предчувствие неумолимой беды все нарастало, но Бель нравилось здесь. Дружинники Снува очень быстро выяснили, что она свободна, и теперь боролись за ее внимание: передавали ей кубки с вином, сочные куски мяса, а один из них, разухарившись, пытался подарить золотое ожерелье, на котором бесстыдно багровели неотмытые пятна засохшей крови.

Мужчины становились все пьянее, Бель хохотала, показывая ровные зубы, купалась в их плотоядных взглядах и пила очень много пива. Ее щеки покраснелись, а глаза блестели. Ари старался не упускать ее из вида, хоть это было и тяжело для него: в этом доме с ним не слишком церемонились, и он получил за вечер немало насмешек и тычков. Джо тоже держался неподалеку, смиренно не отвечая на все более грубые шутки.

Лицо Вальгарда, вылакавшего не одну чашу медовухи, наливалось кровью. Ни Ауд, ни Снува было уже не видно за столом, и дружинники с хохотом подначивали кузнеца, спрашивая его, в каком сарае он потерял свою молодую жену. Ари не заметил, когда Вальгард покинул праздничный стол, и, лишь услышав пронзительный женский крик, понял, что вот беда и пришла.

Ауд очень быстро перестала кричать. Когда Ари вслед за Бьерном и Джо ворвался в коровник, она уже только стонала, лежа в луже собственной крови. С лопатой наперевес Вальгард наступал на смеющегося Снува, который одной рукой поддерживал расстегнутые штаны, а в другой сжимал свой смертоносный меч.

Джо, не обращая внимания на мужчин, бросился к Ауд и огляделся в поисках того, кто смог бы помочь ему. Прибежал Тови, и они вместе с Джо вынесли Ауд на руках из коровника. Крови было так много, что Ари ощутил тошноту.

— Забери отсюда Бель! — крикнул на бегу Джо.

Это было нетрудно: те мужчины, которые еще удерживались на ногах, поспешили посмотреть на драку, а напуганная Бель покорно накинула свой изумрудный плащ и поспешила вслед за Ари. На холодном ветру она быстро протрезвела и теперь была мрачна и серьезна.

Когда Ари увидел Ауд, скрюченную на тюфяке у очага, с которого он сам недавно встал, то сразу сообразил, что она не дотянет и до утра. Ее словно окружали неясные тени, и губы уже были обнесены налетом, а дыхание то и дело обрывалось. Но Джо зачем-то поставил кипятить какие-то травы и пытался остановить кровь, прикладывая к ране тряпки. Зачем он вообще принес сюда эту женщину? Надо было оставить ее в коровнике, и пусть бы у Бьерна голова болела, что делать с этим истерзанным телом.

Бель бестолково металась по кухне, не зная, что делать. Ари устало опустился на лавку. — Вы не поможете ей, — процедил он. — Да и она сама виновата.

Джо посмотрел на него с такой яростью, что Ари непроизвольно попятился.

— Любая человеческая жизнь есть величайшая ценность, — твердо сказал он.

Ари обдумал эти слова. Они шли вразрез с тем, что он знал о смерти и жизни. Мужчины встречали свой последний час со смехом, считалось, что до старости доживают только трусы и неудачники. Женщин и вовсе мало кто оплакивал, такова их доля: рожать детей и рано умирать. В этих суровых краях было не принято цепляться за жизнь, потому что она могла оборваться в любой момент, от голода ли, от болезней или от удара мечом. Рыбаков убивало море, охотников — дикие звери, а те, кто вел такую жизнь, как Снув, редко встречали тридцатую весну.

Ари не понимал, зачем так стараться, чтобы помочь Ауд, но, кажется, лекарю это было по-настоящему важно. Ему немного нравился Джо, он был немногословен и никогда не смеялся над другими, он готовил ему травяные отвары и ухаживал во время болезни. Поэтому Ари преодолел накатывающую тошноту и тоже склонился над Ауд.

Он смотрел и смотрел на нее, и вдруг совершенно отчетливо понял, из-за чего именно она умрет. Не от потери крови, а из-за раздробленного в двух местах черенком лопаты позвоночника.

А если случится чудо и Ауд выживет, то останется калекой до конца своих недолгих и наполненных мукой дней.

Джо перевязал ее раны и теперь пытался влить в неподвижные губы что-то из маленького пузырька.

Прибежали Алва и Аста, и Бель вышла к ним, чтобы успокоить. Ари и Джо остались стоять вдвоем на коленях над Ауд.

— Она уходит, — сказал Джо, и его голос был наполнен печалью.

— Мы все когда-нибудь уйдем, — ответил Ари довольно равнодушно.

— Мне бы очень хотелось, чтобы это случилось с Ауд не сегодня, — у Джо поникли плечи. — Она еще так молода, в ней столько веселья... — и он, медленно поднявшись, вышел из комнаты, по-стариковски шаркая ногами.

Оставшись в одиночестве, Ари некоторое время еще просто таращился на умирающую. Он думал о тех ночах, когда вот так же лежал у очага, дрожа от озноба, и о том, как огонь не мог согреть его. Маленьким он мечтал, чтобы кто-то обнял его, больного и одинокого, как рабыни-матери обнимали своих детей. Но в доме Бьерна не было лишних объятий, сплошь тумачи и насмешки.

Ауд было не спасти, но еще можно было согреть ее последние часы. Ари снял свою телогрейку и лег рядом, подумал и перевернул девицу на бок, так, чтобы переломанный позвоночник касался его груди и живота. Он знал, что если из людей торчат кости, то нельзя их ворочать туда-сюда, но он также знал и то, что Ауд уже ничто не могло повредить. К тому же ее и так непозволительно перетрясли, когда тащили сюда из далекого амбара Бьерна. Ну почему Джо не оставил ее там! О чем он только думал?

Ари обнял ее и закрыл глаза. Перед мысленным взором снова предстал ее раздробленный позвоночник, и Ари, только чтобы отвлечься от запаха приближающейся смерти, стал прикидывать, как бы можно было его собрать заново. Он видел скелеты людей не слишком часто. Однажды они с Тови наткнулись на чьи-то останки, когда слишком далеко ушли от пастбищ в поисках сбежавшей козы, а в другой раз море принесло погребальную лодку с высохшим покойником, который, должно быть, при жизни так сильно рассердил богов, что они отказались его принимать. Ари помнил, как он заворуженно таращился на то, что остается от человека после его смерти, и даже страх тогда малость отступил перед любопытством.

И пусть он не знал наверняка, как там должно быть правильно, поэтому представлял себе это так, словно собирает узор из камешков на берегу. Это была просто детская игра, способ

успокоиться и перестать испытывать тошноту. И когда в воображении Ари последний кусочек ее кости встал на место, он заснул так крепко, будто и не держал в своих руках женщину, которая вот-вот умрет.

ГЛАВА 04

Проснувшись, Ари сразу увидел неподвижное лицо Джо. Лекарь сидел на шкурах возле тюфяка и казался задумчивым. Бель спала на скамье у стены, и ее темная коса струилась вниз, достигая пола и напоминая затаившуюся змею. В свете едва занимавшегося утра очертания ее фигуры казались особенно мягкими и круглыми.

— Ауд, — испуганно дернулся Ари, но тут же понял, что обнимает вовсе не покойницу. Раненая дышала тяжело и прерывисто, огненное тело грело не хуже раскаленной печи. Ее лихорадило, но она совершенно точно была жива, а белый налет вокруг губ исчез.

— Надо же, — сказал Джо без всякого выражения, — значит, мы не зря проделали такой длинный путь.

Измена Ауд вроде никак не касалась обитателей дома старой девы Оддни, а принесла и Ари, и Джо, и Бель много неприятностей.

Ари после ночи, проведенной в обнимку с Ауд, заболел с новой силой. Несколько дней подряд у него шла горлом кровь, и он был не в силах даже подняться с кровати. Джо, чтобы не бегать от одного больного к другому, положил тюфяки Ауд и Ари рядом, и теперь они дружно метались в жару.

Только спустя несколько дней Ари узнал, что его братец Снув не пощадил рогатого Вальгарда и лишил его глаза. Кузнец был в ярости и поклялся, что, как только Ауд оправится, он убьет ее теперь уже наверняка. Добывать едва живую после лопатной расправы женщину даже у Вальгарда не хватило духу.

Снув же как ни в чем не бывало ушел в море, и поскольку берега уже начали покрываться льдами, то до весны ждать его не приходилось. Ауд горько разрыдалась, услышав об отъезде любимого. Больше всего ее расстроило, что он даже не поинтересовался, осталась она жива или нет.

Аста и Алва каждый день навещали сестру, и Ари, лежавший совсем рядом, приходил в ярость от непроходимой женской глупости.

— Дура! — закричал он однажды на рыдающую Ауд. — Зачем ты легла под моего брата, если знала, что твой муж уже убил одну жену за измену? Разве ты не видела, что Снуву нет до тебя никакого дела?!

Ауд повернула к нему избитое лицо, из ее глаз струились слезы.

— Я бы и сейчас пошла за Снувом, позови он меня, — сказала она. — И отдавала ему себя снова и снова.

— Ааааа! — взвыл Ари, не выдержав этого. На его крик прибежал Джо. — Перенеси меня от нее, пожалуйста, — взмолился Ари, — не то я действительно сойду с ума.

Кроме того, Аста рассказала: горожане потрясены тем, что Ауд все еще жива. Многие видели ее страшные раны, и теперь о лекаре-мужчине говорили уже без прежней насмешки. Конечно, это приводило в неистовство знахарку Стирбьерн, и она не придумала ничего лучшего, чем излить свою злобу на Бель, повсюду рассказывая о том, что та делит свое ложе то с Джо, то с Ари. Эта сплетня очень разозлила Ари: ладно бы досужие языки подложили под него молодую и веселую Иске, так ведь нет, болтали о пришедшей Бель, чьи черные глаза и волосы ужасали его.

Ари страшно бесился не только из-за сплетен и глупой Ауд, но и из-за Бель тоже. Он постоянно вспоминал, как она вела себя на пиру, жадный блеск в ее глазах и порочный смех — и тогда злоба тугим кольцом обхватывала его горло, и он начинал задыхаться в кашле.

А Бель, будто назло, все время вертелась рядом, бросая на Ари долгие внимательные взгляды. После истории с Ауд она сильно переменялась, повеселела, утратила свою раздражительную молчаливость. В ней пробудилось озорство, а на щеках все чаще вспыхивали ямочки от улыбок.

Еще Бель то и дело оказывала Ари разные знаки внимания: то приносила лепешку с медом, то поправляла ему одеяло, то принималась петь на чужом языке, и в такие моменты ему хотелось выпрыгнуть из своей шкуры. Почему-то казалось, что ее песни всегда очень грустные, но он не желал спрашивать, о чем же они, чтобы не разговаривать с Бель слишком уж долго.

Ари не понимал причин, по которым ее настроение ни с того ни с сего переменялось к лучшему, ведь все было плохо, куда хуже обычного. А столь неотступная забота попросту пугала его, и он только скалил зубы и огрызался.

— Вот неблагодарный щенок, — однажды выпалила Бель с досадой, услышав очередную грубость. — Кто же кусает заботливую руку?

— А я просил обо мне заботиться? — закричал он сердито, и Ауд проснулась от этого крика, задрожала и заплакала.

Жизнь казалась невыносимой.

Как только Ари стало немного лучше, он тут же сбежал из дома, подальше от бесконечных разговоров дочерей Атли, подальше от Бель с ее жгучими глазами, прожигающими в нем дыры.

Ари послонялся по берегу и пошел навестить слепую Торве, которая, по словам все той же Асты, уже и не поднималась с постели.

Торве пребывала в том двойственном состоянии, когда одна нога находится еще в этом мире, а другая — в загробном. Она лежала на узкой лавке, и вместо бесчисленных внуков, которые вечно копошились у ее очага, в доме была лишь невестка, подметавшая пол. Завидев Ари, она тут же подхватила кадки и помчалась к колодцу за водой, строго-настрого велев не обижать бабушку.

— Ари, — сказала Торве в тот же миг, как как он подошел к ней. По запаху она его, что ли, узнала? Он тоже понюхал себя и учуял лишь запах пропитанного травами жира, которым Джо растирал ему грудь, да застарелого заячьего меха на телогрейке.

— Ты умираешь, — сделал вывод безжалостный Ари.

— Наконец-то, — отозвалась Торве. — Я сорок лет ждала этой минуты. И мой муж встретит меня по ту сторону...

— Хоть ты не говори мне о любви, — взмолился Ари, — я уже слышать не могу это отворотительное слово. На самом деле это всего лишь похоть, посыпанная глупостью.

— Ари, — слабая улыбка тронула губы Торве, — как бы мне хотелось, чтобы однажды ты познал силу любви...

— Нет, — закричал Ари, — замолчи немедленно!

— Ты познаешь великую любовь, которая сделает тебя сильнее и чище, — твердо закончила Торве, и ее дыхание прервалось.

— Злая старуха! — в полном отчаянии взвыл Ари, который только что совершенно незаслуженно получил предсмертное предсказание, а предсмертные предсказания всегда сбываются, это каждый младенец знает. — Злая, болтливая, мертвая старуха, — прошипел Ари и неожиданно для себя заплакал.

Он закрыл Торве глаза и держал ее сморщенную руку в своей до тех пор, пока не вернулась невестка и не запричитала, с грохотом уронив ведро.

А потом ему вдруг захотелось увидеть Иске, ее улыбку и круглую любопытную мордашку, и Ари, размазывая слезы по щекам, поплелся к дому Бьерна. Во дворе он встретил совершенно незнакомую девицу, которая несла корм для кур. У нее были золотистые густые волосы и голубые, как небо, глаза.

— Ты кто такая? — удивился Ари.

— Наложница Тови, — ответила та, улыбаясь. — Он зовет меня Хельгой.

Ари вспомнил заплаканную девчонку, которую Снув кинул в ноги Бьерна, и удивился, что всего за несколько дней она так похорошела.

— Тови хорошо с тобой обращается, не так ли? — спросил он.

— Хорошо, — кивнула Хельга, — он не похож на своего брата Снува.

Из дома выскочила Иске. Ее глаза сверкнули, когда она увидела Ари, разговаривающего с Хельгой.

— Тебя моя мать зовет, — высокомерно бросила Иске наложнице. — Ари! Тебе уже лучше? Я каждый день справлялась о твоём здоровье.

Ари не понравилось, как Иске прогнала Хельгу, словно имела право решать, с кем Ари разговаривать, и он промолчал.

— Ты пришел увидеть меня? — спросила Иске кокетливо. Кажется, она была очень довольна.

— Я просто пришел, — буркнул Ари.

— Твой брат Тови разрешил этой рабыне жить с нами в доме, — пожаловалась Иске. — Правда, она не очень-то и хороша?

— Иске, Хельга очень красивая.

— Да? Красивее меня?

Ари вдруг как плетью хлестнуло. А вдруг слепая Торве предсказала ему любовь с Иске? Ари прислушался к себе, ничего великого и светлого по отношению к дочери Бергторры не ощутил, но на всякий случай сказал:

— Красивее тебя даже кривая и косая старая дева Оддни, которая так и умерла, не узнав мужских ласк.

Хлоп! Звонкая пощечина обожгла щеку Ари. Иске всхлипнула и убежала в дом.

Ари почувствовал, что от этих гадких слов на душе стало не так паршиво.

Немного приободрившись, он принялся размышлять о том, как бы насолить знахарке Стирбьерн, чтобы впредь ей неповадно было языком молоть, и решил, что в ближайшем будущем обязательно подбросит ей в дымоход дохлых ворон. Дохлые вороны никогда не подводили Ари.

Домой он вернулся совершенно без сил и буквально рухнул на скамейку возле длинного стола. Джо поставил перед ним миску с кашей.

— Зачем ты уходил? — спросил он без всякого упрека. — Ты еще очень слаб.

— Женщины, — сплюнул в очаг Ари. Хорошо так сплюнул, по-мужски. Предсмертное предсказание Торве все еще звучало у него в ушах. — У меня от них голова болит. Скажи дочерям Атли не приходите так часто.

Джо, вопреки ожиданиям Ари, не разозлился, он выглядел встревоженным.

— Кузнец Вальгард затаил сильную обиду на вашу семью, — сказал он. — Будь осторожен, Ари, как бы не сорвал свою злость на тебе.

— Пусть попробует, — пробормотал Ари без всякой уверенности. Вальгард был во много раз сильнее его, и все это знали. — Джо, — спросил он, — почему Ауд так поступила?

— Женщины, — насмешливо отозвался Джо и тоже сплюнул в очаг.

Ари засмеялся и принялся за еду. Каша обжигала ему язык, она была горячая и вкусная, а рядом с Джо ему стало куда спокойнее.

— Когда ты начнешь обучать меня? — любопытствовал он. — Ты же взял меня в ученики.

Джо подвинул поближе к Ари большой кусок хлеба с вонючим козым сыром.

— Тебе не понравятся мои слова, — сказал он медленно, — но я бы хотел, чтобы ты стал добрее к людям. Откуда в тебе столько злости, юный сын Бьерна?

Бель уже спрашивала Ари об этом, а теперь тот же вопрос задал и Джо. Но Ари сейчас чувствовал себя слишком сытым и усталым, ему было тепло и сонно, поэтому он не стал сердиться.

— Какое тебе до этого дело? — спросил он вполне миролюбиво.

Джо налил Ари теплого пива и только потом ответил:

— Не думай пока о своем ученичестве. Сейчас тебе надо поправиться и перестать ненавидеть весь мир. Это очень важно, Ари, важнее, чем ты можешь себе представить.

Ари только фыркнул в ответ.

— Это какое-то учение заморских богов, что ли? — спросил он. — Потому что наши боги предпочитают свирепость.

Джо только посмотрел на Ари своим невыносимым добрым взглядом.

На поминальную тризну по слепой Торве пришел почти весь город. Несмотря на холод, столы вынесли на улицу, потому что в доме столько людей не поместилось бы.

Торве здесь любили. Любили за нестигаемый характер и твердость духа, за то, что она первой из женщин не побоялась выйти в море, за то, что вырастила своих семерых детей и никого из них не похоронила, и, наконец, за то, что сорок лет хранила верность погибшему мужу.

Потеряв супруга, женщины обычно стремились поскорее выйти заново замуж, без мужчины было выжить почти невозможно. А Торве сумела, и это восхищало горожан, всегда готовых выказать уважение достойным. Она была словно воплощением самой стихии, с ее холодами и ветрами, и старухи поговаривали, что в загробном мире Торве ожидает развеселая жизнь.

Ари не хотел идти на поминальную тризну, он считал, что Торве предала его. Но Ауд снова разболелась, и Джо был вынужден остаться с ней. И Ари пришлось сопровождать Бель.

Он уже не раз замечал, что Бель вообще любила всякие разные людские сборища, будь то праздник или похороны. Стоило нескольким горожанам собраться в одном месте, как Бель уже спешила туда. За короткое время, прошедшее со дня ее приезда, она уже успела познакомиться с кучей людей. И хотя горожане относились к ней с настороженной подозрительностью, саму Бель это мало смущало. Она была открытой и милой с ворчунами, улыбалась старухам, скромно опускала глаза в присутствии женатых мужчин.

Вот и сейчас она уже сочувственно обнимала Ильву, словно та никогда не носилась по деревне с криком «ведьма». О чем-то тихо говорила с кузнецом Вальгардом с таким спокойным лицом, будто не прятала в своем доме полуживую Ауд.

Ари не подходил к Бель ближе, чем на пять-шесть шагов, приглядывал за ней издали. От холода и тоски он уже выпил несколько огромных черпаков бузинной браги, злой и кислой, мельком пожалев, что медового пива на поминках не подают.

— Еще? Хочешь, чтобы я волок тебя домой за волосы? — смеясь, спросил Тови, отбирая у младшего брата черпак.

— Верни, — буркнул Ари. Он был не слишком рад своему родичу, впрочем, как и всем другим присутствующим здесь. Бергторра прошла мимо, полоснув Ари недобрым взглядом, а Иске в его сторону даже головы не повернула.

— Да напивайся на здоровье, благо Бьерна нет в городе, — пожал плечами благодушный Тови. — Он поехал на равнину к Санггрид, — и сам налил Ари еще браги.

— Все равно Бьерн не имеет права меня теперь лупить, — хмыкнул Ари. — Меня выкупил у него лекарь Джо.

— Чудно, правда?

Они помолчали, наблюдая за тем, как сыновья умершей складывают еду и домашнюю утварь в последнюю — рыбацкую — лодку Торве.

— Мерзкая была старуха, — не сдержался Ари.

— Да нет, она была ничего, — рассудительно ответил Тови, — только немножко странная.

— Она всегда называла тебя младшим сыном Бьерна, — припомнил старые обиды Ари, — будто меня вообще на свете не существовало.

— Торве была права, — вдруг обернулась к братьям высокая женщина, стоявшая перед ними. К своему потрясению Ари понял, что не знает ее. Очень красивая, рыжеволосая, стройная, с ведьмовским обручем на голове, она никогда не появлялась в городе раньше. — Тови действительно младший сын Бьерна, а ты, Ари, вообще не должен был родиться.

Бель уже была рядом с ними, она слушала внимательно и напряженно.

— У Торве был редкий и сильный дар, — продолжала незнакомка, — но любовь к мужу, любовь к детям почти уничтожили его. Человеческие чувства и ведьмовство не помещаются в одном разуме. Что же, это был ее осознанный выбор.

— Кто ты? — спросила Бель.

— Я Рута, — улыбнулась рыжеволосая женщина, — ведунья с востока.

— Торве говорила о тебе, — откликнулась Бель заворуженно.

— Это место позвало меня, вот почему я здесь... Но кто ты такая?

Голова Ари шла кругом. Рута, ведунья с востока, говорила сплошными загадками. У Торве в этом смысле с мозгами все же получше было. Но больше всего Ари пугала даже не рыжеволосая провидица, а Бель. У нее было такое лицо, словно она понимала каждое слово.

— Я приехала с юга, — ответила Бель, — и я ищу чуда.

Рута положила руку Бель на лоб и закрыла глаза.

— Я чувствую, — произнесла она, — кровь черна в твоих жилах. Для таких, как ты, нет у богов чудес.

— Разве не все люди подобны друг другу? — возразила Бель очень нежным голосом.

— И это тоже ложь... От того, из какого дерева сделан посох, зависит то, куда приведет дорога путника, — отрезала Рута. — В тебе ни правды, ни света. Ты желаешь невозможного.

Бель вздрогнула и ухватилась за плечо Ари, отчего его передернуло. Он и сам не понимал, почему стоит тут, как теленок, слушает всякие глупости, да еще и позволяет себя трогать.

— Невозможного? — переспросила Бель глухо.

Рута убрала ладонь с ее лба и открыла глаза.

— Я вернусь весной, — сказала она, — и мы поговорим снова. Если ты дождешься меня.

— Я дождусь, — с мрачным упрямством пообещала Бель.

— Береги мальчика, — властно приказала Рута и пошла к рыбацкой лодке Торве. Ари увидел, как она срывает с шеи какие-то амулеты и кладет их покойнице на грудь.

— Зачем ты меня хватаешь? — возмутился он, сбрасывая руку Бель с плеча. — Ты меня позоришь, женщина.

— Пойдем домой, Ари, — устало попросила Бель. — Нет ничего более отвратительного, чем похороны.

Но он поручил ее заботам Тови, а сам остался на берегу. Казалось, что каждая косточка в его теле звенит от холода. Вскоре Рута ушла, исчезла в вечерних сумерках, но Ари выждал еще немного и только потом подошел к лодке.

— Рыжая дрянь, — пробормотал он, склоняясь над Торве. После смерти она выглядела красивее, чем при жизни, будто бы даже помолодела. — Запомни, что я отплатил тебе добром на зло, — на всякий случай сообщил Ари покойнице. Пальцы почти не слушались его, до того они замерзли, но он все-таки смог зацепить несколько амулетов с груди Торве. Она не хотела ведьмовства при жизни, а после смерти оно тем более будет ей без надобности. — Счастливого воссоединения с мужем, — пожелал Ари, — мерзкая ты старушенция.

Он оставался на берегу до тех пор, пока сыновья не толкнули лодку в море и волны не подхватили ее, унося далеко-далеко.

ГЛАВА 05

Джо и Ауд уже спали, а Бель ждала его на кухне.

— Хельга, наложница твоего брата, принесла тебе молока, — сказала она, — но оно уже остыло. Давай я подогрею.

— С медом, — попросил Ари, вгрызаясь в кусок хлеба. — Бель, — спросил он, когда губы совсем отогрелись, — почему же я такой злой?

Она сидела на корточках у очага и грела ему молоко. Услышав вопрос, Бель повернула к нему лицо, и в отблесках пламени оно показалось почти красивым, а не резким и хищным, как при свете дня.

— А сам ты как думаешь, Ари?

— Потому что младший сын Бьерна — это Тови?

— Тебе не нравится этот город, — откликнулась Бель очень тихо, — и не нравятся эти люди... потому что... почему, Ари?

— Потому что я не принадлежу всему этому, — произнес он, и сам не понимая, откуда взялись эти слова. — И все это не принадлежит мне.

Бель осторожно, чтобы не обжечься, поставила перед ним железный ковшик на длинной ручке, добавила в молоко меда.

— Каким был твой муж? — спросил Ари неожиданно для себя, хотя это был самый бабский вопрос на свете, и он ненавидел такие досужие перетолки.

— Таким же, как ты, — ответила Бель. — Равнодушным и могущественным.

— Могущественным? — нахмурился он, сердясь из-за очередной насмешки. Уж чего-чего, а могущества в нем не было ни на стручок.

— Ауд ведь все еще жива, — напомнила Бель и склонилась над ним, пытливым взглядом впиваясь в его лицо. — Как ты это сделал, Ари?

Его спина взмокла от близости этой женщины и ее запаха, и слишком темных волос, упавших на его плечи. Казалось, сама тьма обрушилась на Ари, принеся с собой ледящий ужас.

— Отстань от меня, — выплюнул Ари, — ты приставучая, как чертополох!

Бель разочарованно отодвинулась и с того дня снова стала угрюмой и замкнутой.

Спустя несколько дней Аста, подавая завтрак, рассказала о том, что на рассвете к побережью подошел чужой корабль. Он был сильно поврежден штормом и, взламывая носом еще тонкий лед, едва дотянул до суши. Конечно же, дружинники стремились на зимовку домой, их деревня была куда южнее, но плаванью на разбитом корабле они предпочли надежную сушу.

— Тридцать чужих мужчин, — мечтательно сказала Аста. — Город гудит, как улей. Вдовы и одинокие женщины выстроились в очередь, чтобы пригласить дружинников к себе на постой. Чувствую, что к лету у повитух работы прибавится, — хохотнула она.

Женщины, уже родившие ребенка, ценились куда больше девственниц и выходили замуж удачнее. Мужчинам нужны были жены, способные зачать и выносить потомство.

— Сейчас чужаки продают товары и рабов, потому что и дураку понятно, что зимовать им придется здесь.

Видно было, что сама Аста страшно жалеет о том, что вынуждена стоять на чужой кухне и резать солонину, а не разглядывать товары, рабов и дружинников.

Бель вскочила на ноги, расплескав травяной отвар, который Джо заставлял их пить каждое утро.

— Я немедленно переоденусь, и мы пойдем на берег, — сказала она возбужденно. Аста просияла. Ари скривился, глядя на них.

Если бы корабль чужаков был поврежден чуть меньше, то все это закончилось бы куда хуже мирной торговли. К обеду от их города могло остаться лишь пепелище. До сих пор от разграблений их спасало лишь то, что они жили очень далеко на севере и здесь никто не искал богатой добычи. Снув много рассказывал о своих походах, и Ари каждый раз ужасался их кровавой жестокости.

А теперь здесь намерены зимовать тридцать пришлых мужчин — и неизвестно еще, чего от них ждать. Эти люди вполне могли проявить дружелюбие и подчиниться местным законам, но могли и начать бесчинства. Холода такие длинные, а кровь так и кипит в жилах. Вот бы дожить до весны без массовой резни или стихийного насилия.

— Беда! — влетела в дом младшая из детей Атли, Алва. Она села на скамейку, положила руки на стол и начала громко, монотонно ругаться, да так грязно, что у Ари рот сам собой распахнулся. От изумления Аста уронила нож, едва не вонзив его в собственную ногу.

— Алва... что с тобой?

Ари вспомнил, что младшая из дочерей Атли давно не приходила навещать Ауд, с тех пор, как стало понятно, что старшая сестра останется живой и даже чуть-чуть здоровой.

Из своей спальни выскочила изумленная Бель. Она была в одной нижней рубашке, и Ари который раз поразился тому, как темна ее кожа. Круглые колени притягивали к себе взгляд, словно заколдованные.

— Что? — растерянно спросила Бель, взмахнув гребнем для волос. За ее спиной послышался голос Ауд, которая по-прежнему не вставала со своего тюфяка.

— Это все ты!!! — услышав сестру, завизжала Алва с такой ненавистью, что Аста отшатнулась от нее. — Ты во всем виновата!

Ари ощутил, как его руки словно тяжелеют — до того сильным стало желание ударить кричащую Алву по лицу. Но он не пошевелился.

— Вальгард потребовал развод и дань! — выпалила она. — Сорок монет! Боги, это целая прорва денег!

— По крайней мере, теперь он не грозит убить Ауд, — рассудительно сказала Аста, мгновенно успокоившись.

— Да лучше бы убил, — скривилась Алва. — Похороны бы дешевле вышли.

— У нас есть сорок монет, — подумав, проговорила Аста. — Мы копили их на мое замужество.

— Уже нет, — ответила Алва резко.

Бель, поняв, что это дела чужой семьи и ее они не касаются, скрылась за дверь. Ари это почему-то расстроило. Бель в нательной рубахе и Бель в платье — это были две разные Бель. Послышалось ее успокаивающее воркование, она утешала Ауд.

Ари бы тоже вышел отсюда, но он был все еще голоден, и никакая женская ругань не могла отвлечь его от еды.

— Алва, что ты сделала с деньгами?

— Купила себе раба, — произнесла она тем особенно вызывающим тоном, который всегда используют люди, точно знающие, что они провинились, но не собирающиеся это признавать.

Аста всплеснула руками.

— Алва, мы не прокормим еще один рот!

— Я его освобожу и выйду за него замуж, — Алва внезапно успокоилась, она была бледной и решительной, — и пусть он меня кормит.

От такого заявления даже у Ари полезли глаза на лоб. Конечно, отцы и деды многих из нынешних охотников и рыбаков прибывали на этот берег в веревках. Рано или поздно все рабы получали свободу, таков был закон, но способ сватовства, изобретенный Алвой, все-таки был диковинным.

— Ты купила раба после того, как Вальгард потребовал дань, или раньше? — высоким голосом спросила Аста.

— Конечно раньше, — сказала Алва, и Ари понял, что она врет. Аста это тоже поняла и отвернулась.

— Иди отсюда, — велела она. — Дела Ауд тебя больше не касаются.

Если Ауд не сможет отдать дань, то этот долг перейдет на Асту, как следующую по старшинству.

Алва ушла, а Аста подняла нож да так и застыла с ним, глядя в пустоту.

— Он чуть не убил Ауд, — напомнил Ари, — так что иди к городскому главе и потребуй дань с Вальгарда. За убийство первой жены ему потребовалось заплатить много денег не только ее родичам, но и городу.

— Что? — рассеянно переспросила Аста.

— Пока Ауд больна, ты старшая в семье, тебе и подавать жалобу, — пожал плечами Ари, не понимая, почему ему приходится объяснять очевидное. — Весь город знает, что Ауд чуть не умерла и навеки останется покалеченной. Конечно, Вальгард застал ее под чужим мужчиной, в таких случаях сами боги велют поколотить жену. Поколотить, но не убивать.

— Что? — повторила Аста, и ее рот искривился.

— Каждая человеческая жизнь бесценна, — вспомнил Ари слова Джо. — Так и скажи главе.

Она бросилась к нему так стремительно, что он не успел увернуться. Ари ощутил, как теплые женские руки обвились за шею, а губы расцеловали в обе щеки.

— Спасибо, — с чувством сказала Аста и выбежала из кухни.

Ари сидел, оглушенный. Мир вокруг вертелся с бешеной скоростью.

Его мать умерла так давно, что он ее и не помнил вовсе, поэтому, наверное, впервые в жизни Ари кто-то обнял. Старшей сестре, прекрасной Санггрид, такое бы и в голову не пришло, хотя она несколько раз трепала волосы Тови, обычно после нескольких кружек медового пива.

Ари приложил прохладные ладони к горящим щекам.

— Ты что? — спросила его Бель, уже полностью одетая. — Опять заболел?

Бель быстро уговорила Ари сопроводить ее к берегу. В этот раз он и возражал-то только по привычке: любопытство победило нелюбовь к разного рода толпам.

Корабль, представший перед ними, был огромным, куда больше, чем «Свирепый вепрь» Снува. Нос корабля пылал золотом и искрился серебром. У пышногрудой женщины из металла, украшавшей его, не оказалось головы. Многие щиты, призванные защищать гребцов от стрел, были выбиты.

На берегу, на перевернутой бочке, сидел белозубый молодой мужчина и с хохотом торговался. За его спиной стояли с десятков связанных мужчин и несколько молодых женщин. Со злорадством Ари подумал, что предательница Алва здорово лопухнулась: чужаки в жизни не продадут здесь столько рабов, и, скорее всего, тех, кого так и не выкупят, просто освободят.

Рядом, прямо на камнях, находились другие товары на продажу, среди них были козы и бараны, возле которых стоял задумчивый Тови. Бьерн был в отъезде, и теперь Тови предстояло

принять нелегкое решение: купить коз и всю зиму думать о том, чем их кормить, или не купить, а потом жалеть об этом. Ари в который раз порадовался тому, что тяжелая ноша младшего сына, который должен остаться при родителях, упала не на его плечи.

Судя по всему, дружинники выставили на продажу все, что было на корабле, в надежде разгрузить судно и по весне совершить еще несколько набегов перед возвращением домой. Ари с усмешкой подумал о том, что не сильно-то они и разбогатеют, торгуя в этом нищем городе. Конечно, горожане с охотой разглядывали меха и оружие, посуду и вино, скот и птиц, но кошельки доставать не торопились.

Белозубого дружинника, сидящего на бочке, это не сильно расстраивало. Он угощал женщин орехами и сладостями, щедро осыпал их приятными словами. Разумеется, появление Бель не могло остаться незамеченным. При виде перьев на ее шляпке и изумрудного плаща дружинник даже с бочки соскочил.

— Я Эрлинг, торговец с юга, — представился он, склоняя голову. Его глаза были веселыми и хитрыми.

— Торговец? — улыбнулась Бель, многозначительно окидывая взглядом большой меч на бедре Эрлинга и его широкие плечи. — Я так и подумала. Меня зовут Бель.

Эрлинг, как и все, кто знакомился с ней, выжидающе молчал, ожидая продолжения. Обычно женщины говорили свое имя и принадлежность семье, называли своего мужа или отца. Краткое представление Бель сбивало с толку. Ничего не дождавшись, Эрлинг порылся в кожаном мешочке на поясе и достал крупное кольцо с алым камнем.

— Это чудесное кольцо с востока будет стоить тебе всего улыбку, — сказал он.

Ари закатил глаза. Стремление мужчин дарить Бель всякое золотое барахло выводило его из себя. Лучше бы кто мешок зерна подарил — видят боги, это было бы куда более кстати. Меж тем Бель задумчиво примерила кольцо, повертела рукой, разглядывая камень, а потом с самым равнодушным видом бросила его обратно в мешочек.

— Боюсь, что оно слишком тяжело для меня, — объявила она, улыбаясь.

Терпение у Ари закончилось, и он пошел вдоль берега, чтобы не слушать больше этот нелепый разговор. Кузнец Вальгард грубо ухватил одну из рабынь за грудь. Пожилой чужак в волчьей телогрейке оттолкнул его плечом.

— Хочешь покупать — плати двадцать монет, хочешь лапоть — десять, — хохотнул он. — А хочешь бесплатно — женись.

Кто-то из горожан обидно захохотал, глаза Вальгарда мстительно вспыхнули. Он резко вытащил кошелек и отсыпал на ладонь монеты.

— Пять, — сказал он. — Бабы от этого не портятся.

— Потом девку придется добить, чтобы не мучилась, — негромко предупредил Ари пожилого чужака. Он не хотел ссориться с Вальгардом, потому что боялся его, но рабыня казалась такой молодой и испуганной, что жалко было отдавать ее кузнецу с его злобным нравом.

— Десять, — упрямо повторил чужак и представился Ари: — Я Гисли, капитан этой посудыны.

— Вам понадобится много дерева на починку, — заметил Ари, глядя на корабль, — и много времени.

Называть свое имя в ответ он не собирался. К чему? Кому интересен бестолковый мальчишка, путающийся под ногами?

— Впереди долгая зима, — ответил Гисли спокойно, — а горожане кажутся неплохими людьми.

— Да катитесь вы все, — гаркнул Вальгард и поспешил прочь с берега размашистой походкой. Ари озабоченно посмотрел ему вслед, а потом решил не сильно беспокоиться из-за этого громилы. Делать ему разве больше нечего, не будет же он мстить из-за какой-то рабыни?

— Мой брат ушел в море перед самой зимой, — сообщил он капитану. — Его корабль называется «Свирепый вепрь».

— Твой брат поступил неразумно, — пожал плечами Гисли.

К ним приблизилась Бель с кульком орехов в руках.

— Смотрите, кто явился, — весело сказала она.

Ари оглянулся и попятился: по берегу неторопливо шагала Уна, ее голова была покрыта пятью черными платками. Безумная вдова, похоронившая пятерых мужей, не поднимала глаз от земли. Люди растекались от нее подобно морю, огибающему камни.

— Она решила погубить всех чужаков сразу, — пошутил Тови. Он смотрел на Уну спокойно, без всякого страха, и держал в руках веревку, к которой были привязаны две козы.

— Боги, какая женщина! — присвистнул капитан Гисли.

— Эта женщина словно ундина, что губит мужчин, — пояснил кто-то из горожан. — Только сумасшедший свяжется с ней.

— Лекарь живет в доме на утесе, — сказал Ари капитану, — его зовут Джо.

— Ты смеешь обвинять меня в безумстве? — тяжело спросил Гисли, опуская руку на свой боевой топор.

— Я говорю о твоих рабынях, — ответил Ари, кивая на каменный выступ, за которым скрылся Вальгард. — Если ты вдруг решишь все же продать кого-то из них этому душегубу, то лекарь живет в доме на утесе.

Уна подошла к Эрлингу, который уже не показывал в беззаботной улыбке свои белые зубы. Он смотрел на женщину в черном с каким-то мистическим ужасом. На ее бледном лице с погасшими глазами царила привычная скорбь.

— Я хочу предложить свой дом твоим дружинникам, — торжественно и певуче произнесла Уна.

— Из этого дома никто не выходит живым! — крикнула Ильва, прикрывая свой живот с таким рвением, будто бы ее неродившийся ребенок уже собирался жениться на Уне.

Гисли сделал шаг вперед. Ари схватил его за руку, предостерегая от необдуманного поступка. Глаза капитана опасно сверкнули.

— Считаешь, что меня может напугать женщина, мальчик? — спросил он.

Ари поспешно отдернул руку.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — беззаботно заметила Бель, протягивая Ари орехи.

— Я думаю о том, что любого разумного мужчину может напугать женщина, — ответил Ари, отталкивая кулек.

На берегу снова началось движение, люди опять расступались, пропуская кого-то вперед. На этот раз к Эрлингу пробился городской глава. Его волосы уже серебрились сединой, а тело иссушили многие зимы. Однако в проворстве глава не уступал молодым, на праздниках все еще метко кидал топор и готов был пуститься в пляс с любой красоткой, которая только посмотрит на него. Сказывали, что глава давно подыскивал себе жену, но был так придирчив, что состарился в одиночку. Все-то он не мог выбрать: молодые девицы казались ему слишком легкомысленными, а зрелые женщины — скучными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.